

УДК 81'37

**КОГНИТИВНЫЕ ОПЕРАЦИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ
ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ**
(диахронический аспект)

С.А. Виноградова

Мурманский арктический государственный университет, Мурманск

В статье рассматривается диахронический аспект конструирования дискурсивного значения относительных прилагательных. Операция специфицирования позволяет конструировать значения относительных прилагательных в экспликационных сочетаниях. В элизионных сочетаниях используется операция фокусирования. Для исследования деривационных значений применяется механизм интеграции ментальных пространств.

Ключевые слова: профилирование, концептуальная интеграция, ментальное пространство, относительные прилагательные.

Анализ когнитивных механизмов и принципов организации знания, участвующих в когнитивных процессах порождения дискурсивных значений прилагательных, в нашем исследовании проводится на основе рассмотренных Р. Лэнкером операций ментального конструирования, а также теории интеграции ментальных пространств Ж. Фоконье и М. Тернера.

Р. Лэнкер, используя метафору визуального восприятия для изучения концептуального содержания, различает следующие четыре операции конструирования: специфицирование, фокусирование, выдвижение и перспективизацию. Специфицирование он относит к тому этапу наблюдения, когда мы решаем вопрос уровня детализации восприятия, фокусирование – выбор элементов, расположенных на переднем плане, выдвижение – выделенность различных аспектов структуры, помещённой на передний план, а перспективизация – это описание позиции, с которой эта сцена рассматривается [7: 73].

Конструирующая операция специфицирования может быть использована для анализа значения относительных прилагательных только в случае экспликационных сочетаний с описываемым существительным. Это такие сочетания, как *bodily movement* (телесное движение), *solar radiation* (солнечная радиация), *muscular pain* (мышечная боль), которые, как правило, являются атрибутивными трансформами предикативных структур типа *body moves* (тело движется), *the sun radiates* (солнце испускает радиацию), *muscle hurts* (мышца болит), в которых отношения между двумя концептами эксплицитны. В этом случае нет необходимости дополнять конструирование значения, как это происходит в случаях *agricultural work*, *educational system*, *scientific approach*, *social revolution*. Конструирование значения в сочетании экспликационного характера только показывает, что большее внимание уделяется мысли о действии как эпистемическом субъекте, тогда как относительное прилагательное является трансформом менее выделенного концепта. Особого внимания заслуживают относительные прилагательные, которые в сочетании с описываемым существительным требуют достраивания смыслового пропуска (элизии) возникающего отношения. В элизионных сочетаниях относительного прилагательного с существительным отношение концептов явно не выражено: *starry sky* – *sky*

<full of> stars; *starry system* – system < consisting of> stars; *starry flower* – flower <shaped like> a star; *starry eyes* – eyes <shining like> stars и т.д. [12].

В терминах Р. Лэнекера, языковая единица приобретает своё значение в процессе наложения профиля на базу: базой является непосредственная сфера в активном домене, та часть, которая выставлена на сцену, выдвинута, и в этой выдвинутой области внимание направлено на определённую подструктуру, которая называется профилем» [7: 66]. Языковые единицы, включающие прилагательные, Р. Лэнекер трактует как реляционные группы (*relational groups*). Реляционная предикация профилирует отношения между двумя и более сущностями. Та сущность, что находится в фокусе, более выделена и является траектором (*trajector*), в то время как другая, отличная от траектора сущность, но также выделенная, называется ориентиром (*landmark*) [6: 61]. В языковом выражении с прилагательным описываемый объект является траектором [цит. раб.: 76].

На первом этапе конструирования значения прилагательного происходит профилирование признаков ориентира на фоне траектора описываемой сущности. У качественного прилагательного, означающего характеристики типа «способ», «количество», «направление», «звук», «запах», «время» и т.д.: например, *quick, red, warm* – это признаки базового уровня, актуализирующие в сознании чувственный образ, приписываемый вещному концепту. Они определяют основные онтологические категории и вместе с категориями вещей, действий, мест и т.д. в лэнекеровской когнитивной грамматике относятся к базовым доменам. В отличие от качественных, относительные прилагательные в качественном употреблении отсылают к не-базовым доменам и затем, шаг за шагом, ведут отсылку к базовым. *sandy hair* → the colour of sand → yellow, *spiky lashes* → of the nature of a spike → sharp, *stony silence* → of the weight of a stone → heavy, etc.; *соломенные волосы* → цвета соломы → желтые; *снежный барс* → цвета снега → белый и т.д.

Относительный признак, таким образом, не являясь признаком базового уровня, имеет более сложную структуру. Формирование концепта занимает больше времени, требует включения рациональных операций, что приводит к возникновению конструкта в сознании. Деривационный статус, в том числе концептуально-деривационный, относительных прилагательных позволяет им обращаться к исходному слову и исходному концепту, содержать сигнал, намек на всё, что является естественным окружением этого слова, понятия и лежащей в основе реальности. Таким образом, относительные прилагательные обращаются к концепту, актуализируемому исходным существительным, вызывая в сознании те когнитивные признаки, которые релевантны для данного языкового употребления. Для выделения этих признаков следует обратиться к теории концептуальной интеграции.

Теория концептуальной интеграции предполагает, что возникновение нового значения – это активный процесс установления различных отношений между ментальными пространствами, в котором происходит интеграция различных аспектов информации. В результате слияния на межпространственном уровне возникает интегрированное пространство, или блэнд [5]. Интегрированное пространство, наследуя роли и черты начальных пространств, приобретает собственную структуру и признаки. Оно функционирует как неделимое

структурное целое и позволяет реконструировать связи с начальными ментальными пространствами. Бленд, возникающий в результате взаимодействия концептов, в процессе концептуальной интеграции, включает отношения, которые рождаются в дискурсе, поскольку продукты ментального конструирования – ментальные пространства – отличаются от когнитивных моделей (когнитивных доменов) тем, что являются скорее «моделями дискурса», чем «моделями мира» [4]. Ментальные пространства творятся на основании как информации, передаваемой дискурсом, так и информации, взятой из концептуального домена (концептуальной области), с которым он связан.

Итак, идея интеграции ментальных пространств может быть использована для анализа конструирования значения относительных прилагательных в элизионных сочетаниях. Значением относительного прилагательного в дискурсе является отношение, возникающее на межконцептуальном уровне: на пересечении ментальных пространств концепта исходного существительного (к когнитивному пространству которого отсылает концепт прилагательного) и концепта описываемого существительного. Когнитивным признаком, который содержат эти прилагательные, является регистр признаковых характеристик, напоминающий говорящему, что использованное слово должно обратить сознание к исходному концепту и переадресовать его содержимое в отношении описываемого концепта. Эти когнитивные признаки становятся выделенными для формирования концепта прилагательного. Именно на пересечении двух исходных концептов возникает описываемая сущность. Чтобы характеристики обоих концептов могли быть помещены в гибридное пространство, нужно, чтобы они были одинаково релевантны ситуации употребления.

Значение относительного прилагательного на дальнейшем этапе требует уточнения признаков, участвующих в ментальном конструировании, путем экспликации имплицитного, неявного, отношения, возникающего между концептами. Выведение этих признаков происходит методом инференции. По мнению Е.С. Кубряковой, когнитивный механизм инференции – «это мыслительный процесс, в результате которого человек способен выйти за пределы буквального / дословного значения единиц, разглядеть за рассматриваемыми им языковыми формами больше содержания» [1: 411]. Механизм инференции построен на когнитивной операции импликации – мыслительной операции, устанавливающей импликационные связи концептов [3].

М.В. Никитин внёс существенный вклад в разработку понятия импликации, предложив идею импликативного потенциала концептов. Импликативный потенциал концепта, по его мнению, представляет собой закреплённый в памяти информационный рефлекс связей того объекта-денотата, отображением которого является данный концепт. Это систематизированное обобщённое представление о структуре возможных связей, отношений, зависимостей и взаимодействий, потенциально прогнозируемых для данного класса объектов. Подобно валентностям химических элементов, импликационный потенциал предопределяет сочетаемость свойства данного компонента, его роль и место в пропозициях, фреймах и сценариях [3: 59–60]. Конструирование дискурсивного значения слов по моделям Р. Лэнкера и Ж. Фоконье также предполагает наличие инферентного вывода. При этом в течение всего процесса конструирования смысла между исследуемой ментальным пространством, репрезен-

тированным исходным для относительного прилагательного существительным, и когнитивной областью описываемого предмета, устанавливаются межконцептуальные связи.

Итак, на первом этапе установления межконцептуальных связей имеет место соотнесение траектора с ориентиром, при этом выделяется относительный признак, состоящий из обобщённого относительного значения <related to> – относящийся к когнитивной области концепта, представленного в языке исходным существительным. Этот признак требует уточнения, необходимо выявить конкретное относительное значение, релевантное для данного употребления. В этих целях на втором этапе происходит соотнесение ментальных пространств траектора и ориентира. В дальнейшем межконцептуальные связи проявляются в конструировании гибридной сущности – импликата, интегрирующего признаки, проецируемые из исходных когнитивных областей. На заключительном этапе выведения дискурсивного значения межконцептуальные связи уточняются в результате соотнесения полученных характеристик и данных контекста с опорой на концептуальные связи сознания.

Семантика деривационного характера возникает на базе концептуальных связей классификационного типа (аналогического, родовидового, категориально-спецификационного, инклюзивно-экслюзивного) или импликационного типа (метонимия, основанная на импликациях разного рода: причина – следствие, материал – изделие, действие – цель, процесс – результат, часть – целое, соположенность в пространстве, следование во времени, взаимозависимость явлений, признаков и т.д.) [2: 152–153]. Как известно, импликационные и классификационные связи являются универсальными способами организации сознания в концептуальные структуры, другими словами, принципами структурирования знания. В языковом плане на основе классификационных связей, в частности, аналогической связи, могут возникать метафорические значения слов, а на основе импликационной – метонимические.

В нашем исследовании мы выделяем среди отсубстантивных относительных прилагательных аргументно-признаковые. В сочетании с описываемыми существительными они представляют собой два аргумента, один из которых находится в признаковой функции к другому: *cerebral palsy* = *cerebrum* + *palsy*; *cerebral letters/ sounds* = *cerebrum* + *letters/ sounds*; *cerebral person* = *cerebrum* (brain) + *person*; *cerebral conclusion* = *cerebrum* (brain) + *conclusion*. Признаковый концепт в этом случае возникает за счёт выводимого на основе знаний о мире отношения между ними и имеет характер абстрактного рационального признака. Аргументно-признаковые отсубстантивные прилагательные следует отличать от субстантно-признаковых, которые в сочетании с существительным представляют собой номинацию предмета и его признака-субстанции (аргумент и предикат): *icy stalactites*, *flinty spire*, *icy palace*, а признаковый концепт в этом случае содержится в нашем сознании в виде чувственного образа. Субстантно-признаковые прилагательные по своим когнитивным характеристикам ближе качественным прилагательным. Исследование их семантических процессов – предмет отдельного исследования.

В реляционной группе с аргументно-признаковым прилагательным траектор и ориентир – это оба объекта, и значение выражения профилирует отношение, возникающее во время взаимодействия сущностей. Один из объек-

тов выражен описываемым существительным, другой – отсылкой к исходному субстантивному концепту относительного прилагательного. Когнитивным признаком, который содержат эти прилагательные, является регистр признаковых характеристик, напоминающий говорящему, что использованное слово должно обратить сознание к исходному концепту и переадресовать его содержание в отношении описываемого концепта. Именно на пересечении этих концептов возникает описываемая сущность. В этом случае представляется необходимым прибегнуть к анализу создаваемых исследуемыми концептами ментальных пространств, включающих как информацию, отраженную в языке, так и потенциально способную выступить в качестве базы для конструирования новых смыслов.

Анализируя закономерности конструирования значения многозначных относительных прилагательных, мы обращаемся к диахроническому аспекту их функционирования, поскольку в современном языке их семантические структуры представляют собой результат историко-семантических процессов (устаревание и исчезновение отдельных значений, перегруппировка значений (главных и вторичных), смена прагматического, культурного и ассоциативного фона значений и т.д.).

Возьмём для примера прилагательное *shady*. В словарях современного английского языка зарегистрированы следующие его значения: 1. *affording shade*, 2. *shaded, protected by shade*, 3. *of questionable merit or prospects of success; uncertain, unreliable; disreputable* [12], *dishonest or illegal* [8; 10]. Рассмотрим развитие семантической структуры данного прилагательного на основе исторических словарей и корпусов. Одно из первых его употреблений, зарегистрированных словарем, – в значении ‘обеспечивающий тень’, сохранилось и в современном языке:

You naked trees, whose *shady leaues* are lost (1579) [11].

The *shady trees* couer him with their shadow (1611) [11].

The wedding took place on a glorious summer day, amid *shady trees* and beds of bright flowers (2005) [9].

Shady leaves/ trees – leaves/ trees <affording> shade.

При профилировании признаков ориентира SHADE на фоне траектора TREE/ LEAVES очевидно выделение таких характеристики, как наличие тени за счёт установления преграды солнечному свету в виде листьев или самого дерева. Здесь и далее прослеживаемые закономерности обобщаются с помощью соответствующих рисунков.

В первом значении прилагательного признаком ориентира, профилирующимся на фоне траектора, является «способность создавать преграду солнечным лучам», поэтому при интеграции ментальных пространств SHADE и TREE/ LEAVE он попадает в общее пространство, т.е. в бленд помещаются признаки <тенистый>, <создающий тень>.

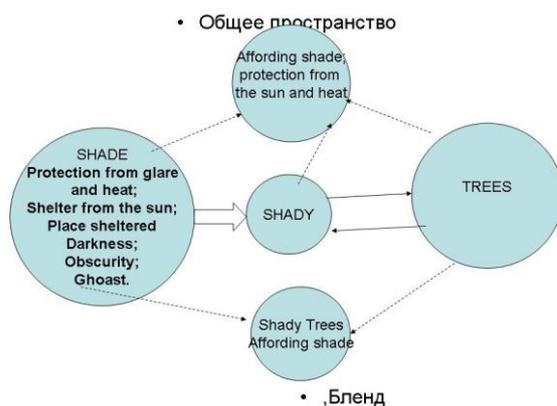

Рис. 1

Во втором значении профилирование признака ориентира на фоне траектора PLACE или гипонимических траекторов типа VALLEY, SIDE (of the street) выделяет тот же признак – наличие тени, однако при интеграции пространств SHADE и PLACE на передний план выходит конверсивный первому значению признак <тенистый>, <затененный>:

The *shadie valleies* [shall be] thy euenings arbour. (1589) [11].

Her angels face · · made a sunshine in the *shady place* (1590) [11].

But instead of walking down the *shady side* of Depot Street to the tracks and then heading up the hill toward home (2009) [9].

Shady valley/ place/ side – valley/ place/ side <protected by> shade, shaded.

Рис. 2

Два этих значения отмечаются корпусом [BNC] как самые частотные у данного прилагательного в современном английском языке. Возникшее следом за этим на основе совместной встречаемости признаков метонимическое значение прилагательного «темный» не сохранилось в языке и регистрируется только историческим словарем:

This Globe which seemeth to vs a dark and shady body is in the view of God as Christall (1605) [11].

From dawning Day till shady Night (1746) [11].

Shady night – night <opaque like> shade.

На фоне траектора NIGHT выделяется признак ориентира – наличие тени, отсутствие света. На пересечении ментальных пространств SHADE и NIGHT появляются общие признаки <dark>, <opaque>, возникающие на основе импликационной метонимической модели, основанной на причинно-следственной связи признаков: «тенистый, находящийся в тени» – соответственно «тёмный». Дальнейшее развитие значения происходит по модели признаковой метонимии на основе совместной встречаемости признаков в одной когнитивной области: «тенистый», следовательно, «тёмный», следующая ступень метонимической причинно-следственной связи – «неясный», «нечёткий»:

You shall see diuers such Super-Reflexions, till the species speciei at last die. For it is euery Returne weaker, and more shady (1626) [11].

The light of Conscience may be made shine very dim, so as to give but a very faint and shady direction (1710) [11].

Shady direction – direction <indefinite, faintly perceptible like in > shade.

Аналогично, прилагательное *shady* может означать ‘тёмный, соответственно, неясный, трудноразличимый’ не только в отношении физических объектов, но и для характеристики других явлений, где «неясный» трактуется как «сомнительный». На основе метонимического значения, не зарегистрированного современными словарями, но имевшего место в истории семантики данного прилагательного, возникает метафора. Маркером перехода признаковой метонимии в метафору является смена сочетаемости: признаки переносятся из одной когнитивной области в другую. Например, при концептуальной интеграции ментальных пространств SHADY и KNOWLEDGE / OPERATION возникает уже метафорическое значение на основе аналогии признаков.

What looks very well one way may look very shady the other (1858) [11].

The Tutor Shady in Latin, said Lindsay, but topping in plays and Aldrich (1848) [11].

Shady knowledge of Latin – knowledge <uncertain like in >shade, unreliable, questionable.

Did Casolaro know too much about a *shady operation*? (1998) [9].

Shady operation – operation <inspiring doubt and suspicion like in > shade.

Способность развивать признаковую метафору *shady* ‘тёмный, сомнительный, теневой’ позволяет прилагательному активно функционировать в современном английском языке в сочетаниях с существительными, репрезентирующими явления экономической и политической жизни:

He's been in the news recently because of *some shady business deals* (2009) [9].

...catering to " big dudes with nicknames, in good suits, making *shady deals* at the back tables " (2008) [9].

One *shady deal*, one buried scandal (1968) [9].

De Brasto and Stander were *shady lawyers*, and got several of these gangsters off – probably saved more than one from the chair (1933) [9].

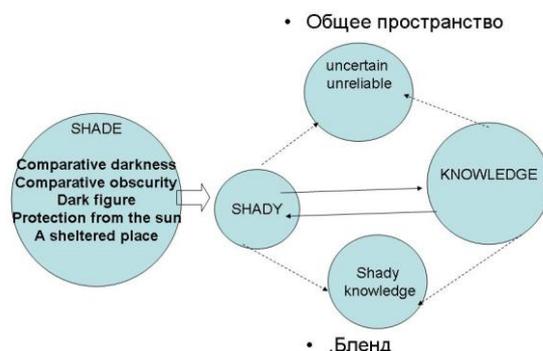

Рис. 3

Данное направление развития метафоры вызывает возникновение отмеченного современными словарями значения (3) <dishonest>, <illegal> [8; 10].

Признаковая модель метафоры развивается также и при интеграции ментального пространства SHADY с ментальным пространством HUMAN QUALITY на основе метафорической аналогической связи признаков. В общем пространстве появляется признак <dark>, развивающийся от метонимического до метафорического за счёт смены сочетаемости. Из области чувственного восприятия признак переходит в область описания абстрактного понятия, происходит переход от онтологического качества к эпистемическому. В бленде актуализируются признаки <dark>, <bad, unpleasant>, возникающие в сознании за счёт общего знания о мире, где светлая сторона личности – положительная, темная – отрицательная. Это выводное знание возникает из концептуальной метафоры ТЁМНЫЙ – ПЛОХОЙ на основе метонимической связи признаков «тенистый» – «тёмный».

If the World had half his good Nature, all the shady Parts would be entirely struck out of his Character (1719) [11]

A Roman lady of extraordinary beauty and somewhat shady character (1894) [11].

Shady character – character < of the nature of> shade, defect, disreputable.

Таким образом, значение прилагательного *shady* развивается от прямого, возникшего первоначально для обозначения тенистой, предоставляющей тень или затенённой сущности / вещи. Далее происходит использование прилагательного в метафорическом плане в сочетании с существительными, репрезентирующими сомнительные, тёмные, плохие явления, развивая признаково-метафорический потенциал, возникающий в когнитивной области SHADY.

В силу того, что в интеграционные процессы вступает не только концепт прилагательного, но и концепт, репрезентированный исходным существительным, возникает возможность развития метафоры по субстантивной модели. Эти значения прилагательного *shady* не употребляются в современном английском языке, но анализ моделей их конструирования позволяет исследовать семантический потенциал прилагательного и закономерности построения моделей конструирования его значения

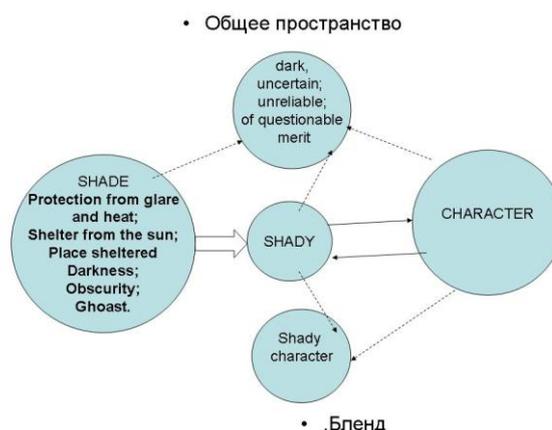

Рис. 4

Так, историческим словарем и историческим корпусом регистрируется значение, возникающее в когнитивной области концепта SHADE, < degree of darkness or depth of colour >, < a minutely differentiated degree or variety >, которое в сочетании прилагательного *shady* с существительным *side* и числительными, репрезентирующими возраст, приобретает значение < some age >, < a shade older >.

The younger being somewhat on the shady side of thirty (1824) [11].

Thou art on the shady Side of sixty too (1884) [11].

I'm a sedate and elderly lady already on the *shady side* of thirty (1922) [9].

Ещё один пример метафорического значения субстантивного характера, развившееся из признака концепта SHADE и не содержащееся в когнитивной области SHADY – < a retired spot, a quiet habitation >, находит свое отражение в бленде ментальных пространств SHADE и IDLENESS:

We were full of courage, giuen to martiall exercises; and not lulled a sleepe in *shady idlenes* with Poets pastimes (1586) [11].

But the raven, and the gazelle, and the mouse, and the tortoise, all came together in their *shady retreat*, safe and sound, and rejoicing in their good fortune (1868) [11].

"He's all right now, " this gentleman observed to himself, in the *shady retirement* of his inner consciousness. " (1901) [11]

In The Boys from Brazil, he pulls 64-year-old Mengele out of *shady retirement* to play a grotesque caricature of himself (1976) [9].

Развитие субстантивной модели метафоры становится возможным в силу глубокой ориентации концепта относительного (аргументно-признакового) прилагательного на концепт исходного существительного.

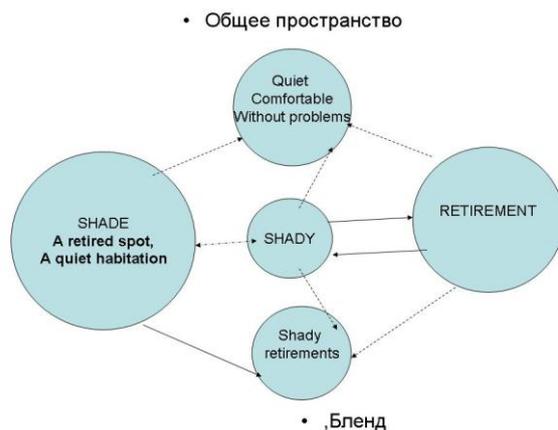

Рис. 5

Анализ формирования значения аргументно-признаковых относительных прилагательных показывает, что при формировании бленда конструирование может происходить двумя путями: в бленд могут входить признаки из когнитивной области и ментального пространства концепта, репрезентированного прилагательным. В таком случае развивается признаковая метафора на основе сходства признаков (тенистый – тёмный). Однако бленд может также формироваться характеристиками из когнитивной области концепта, репрезентированного исходным существительным, не унаследованными концептом отсубстантивного прилагательного. Метафора возникает в когнитивной области субстантивного концепта и переносится в общее ментальное пространство с концептом описываемого существительного. Это ещё раз подчёркивает глубокую межконцептуальную связь существительного и отсубстантивного прилагательного.

Таким образом, анализ конструирования значения аргументно-признаковых относительных прилагательных происходит в несколько этапов. На первом этапе фокусирование относительного признака возможно при профилировании признака ориентира (прилагательного) на фоне траектора описываемой сущности, представленной существительным. При этом выделяется относительный признак, отсылающий сознание к исходному концепту для использования характеристик из его концептуальной области в отношении описываемого концепта. На втором этапе происходит уточнение признаков, находящихся на пересечении упомянутых концептов по модели возникновения бленда при интеграции концептуальных пространств, общие признаки, наполняющие бленд, являются основанием для выведения дискурсивного значения прилагательного. На третьем этапе, в случае возникновения деривационного значения, выведение искомого признака ведётся методом инференции на основе классификационных или импликационных связей сознания. Развитие деривационных значений возможно по признаковым моделям, на основе аналогии или совместной встречаемости признаков, и по субстантивной модели, когда метафорическое значение прилагательного транспонируется из ментального пространства исходного существительного.

Список литературы

1. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
2. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 277 с.
3. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // ВКЛ. 2004. №1. С. 53–64.
4. Fauconnier G. Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language. Cambridge University Press, 1994. 240 p.
5. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2002. 88 p.
6. Langacker R.W. An overview of cognitive grammar // В. Rudzka-Ostyn (Ed.). Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. P. 3–48.
7. Langacker R.W. Cognitive Grammar. A Basic Introduction. Oxford University Press, 2008. 584 p.
8. CDO – Cambridge Dictionaries Online / URL: <http://dictionary.cambridge.org/>
9. COHA – Corpus of Historical American / URL: <http://corpus.byu.edu/>
10. OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary / URL: <http://oxfordlearnersdictionaries.com/>
11. OED – Oxford English Dictionary Second Edition on CD-ROM (v. 4.0). Oxford University Press, 2009. / URL: <http://www.oed.com>
12. SOD – The New Shorter Oxford Dictionary on historical principles. Vol. 1-2. Ed. by Lesley Brown. Oxford: Clarendon press, 1993. 3801 p.

MEANING CONSTRUING IN RELATIVE ADJECTIVES

(diachronic aspect)

S.A. Vinogradova

Murmansk Arctic State University, Murmansk

This article aims to give a cognitive linguistic account of the operations engaged in the diachronic formation of the meaning of argument-predicate relative adjectives. The operation of specificity is used for constructing the meanings of relative adjectives in explicational combinations. In elisional combinations the operation of focusing is used. For the study of derivational meanings the mechanism of integration of mental spaces is applied.

Keywords: *profiling, specificity, conceptual integration, mental space, relative adjectives.*

Об авторе:

ВИНОГРАДОВА Светлана Аюповна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Мурманского арктического государственного университета, e-mail: svetvin@mail.ru